

Е.П. Невельская-Гордеева¹

Национальный юридический университет им. Ярослава Мудрого
Харьков. Украина

С.С. Шестопа²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Логические основания судебного доказывания

Рассмотрены логические аспекты судебного доказывания, получившего закрепление в современном процессуальном законодательстве, и их соответствие требованиям установленным правилам логического вывода, необходимость соблюдения основных законов логики, которые вполне объективны и не зависят от того, знает ли о них человечество. Особое внимание уделено использованию дедукции в процессе доказывания и важности соблюдения при этом логических правил дедуктивных умозаключений.

Ключевые слова и словосочетания: судебная аргументация, процессуальное доказывание, теория аргументации, логические основания судебного доказывания, правила дедуктивного умозаключения.

E.P. Nevelskaya-Gordeeva

Yaroslav Mudry National Law University
Kharkov. Ukraine

S.S. Shestopal

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

Logical basis of legal argumentation

The problems of legal argumentation that have been restated in modern criminal legislation procedure and their conformity to the rules of logical inference and the need to respect the basic laws of logic that are quite objective and do not depend on whether you know about them humanity are considered. The special attention is given to the use of deduction in the proving process and the importance of compliance with the rules of logical deductive reasoning.

Keywords: Institute of Education, the Educational market agents, the University's Competitiveness, Competitive advantages of University's, the Entrepreneurship of the University, Lifelong Education, the Internationalization of Universities.

Во все времена в юридическом процессе центральное место отводилось вопросам обоснования и аргументации. Особенно это актуально в наши дни, когда вся юридическая процедура регламентирована законодательством очень детально,

¹ Невельская-Гордеева Елена Петровна – канд. филос. наук, доцент кафедры логики; e-mail: neveelena@yandex.ua.

² Шестопа Сергей Станиславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории российского и зарубежного права; e-mail: ss.shestopal@ya.ru.

и сегодня процессуальные нормы закрепляют основные принципы логической теории аргументации.

Теория судебного доказательства предусматривает, что целью доказывания является установление истины. По мнению С.А. Шейфера [1, с. 38], содержание понятия «доказательства» прошло ряд этапов, развиваясь от логико-психологических представлений (доказательства – это средства убеждения в существовании фактов) к информационно-содержательным представлениям (доказательства – это сведения о фактах, подлежащих установлению), получившим закрепление в современном уголовно-процессуальном законодательстве.

Доказательства должны соответствовать правовым и логическим требованиям. Правовые требования – это условия собирания и использования доказательств, которые установлены в законе; логические, по мнению Л.Е. Владимирова, «критерии, которые выработаны человеческим опытом об источниках фактической достоверности» [2, с. 132]. Мы не можем полностью согласиться с мыслью цитируемого автора, т.к. логические требования – это и соответствие установленным правилам логического вывода, и соблюдение основных законов логики, которые вполне объективны и не зависят от того, знает ли о них человечество.

Ю.А. Аверина [3, с. 240–241] утверждает, что в современном отечественном судопроизводстве отмечается ряд негативных признаков формальной теории доказательств: по ее мнению, изучение речей юристов конца XIX в. показывает, что ими практически никогда не оспаривается законность получения на предварительном расследовании доказательств. Упор стороны делала на логику доказывания, психологию преступника, анализ неблагоприятной социальной среды и тому подобное. В настоящее время основной стратегией защиты является процедурная деконструкция доказательственных фактов, а именно: порождение сомнений у судьи в допустимости доказательств — протоколов следственных действий (ввиду допущенных органами предварительного следствия нарушений уголовно-процессуального закона). Таким образом, как утверждает Ю.А. Аверина, истинность сведений в настоящее время оспаривается не с точки зрения их соответствия логической правильности, а с точки зрения речевого выражения, формы. В оценке доказательств усиливается акцент на формальные элементы: реквизиты и оформление процессуальных документов. Однако нас интересует именно логика доказывания, использование юристами правил логического вывода. В данной работе мы рассмотрим использование дедукции в процессе доказывания.

Дедукция (лат. *deductio* – выведение) – процесс мышления от общего знания к частному (или единичному). Дедукция исследовалась уже в работах древнегреческих философов, большое значение ей придавал Аристотель. Дедукция обозначает процесс логического вывода по четко установленным правилам из посылок — заключения, где последнее рассматривается как конкретизация общего положения:

1. Договор является сделкой.
2. Купля-продажа – договор.

Следовательно, купля-продажа является сделкой.

Дедукция является достоверным умозаключением, однако для того, чтобы вывод был истинным, необходимо придерживаться двух условий: 1) посылки (основание) должны быть истинными; 2) правила логического вывода не должны нарушаться.

В дедуктивных умозаключениях между основанием и заключением существует отношение логического следования, т. е. мысль движется от общего положения к его частичному применению. Дедукция всегда была важным методом в юриспруденции, особенно в правоприменении, потому что конкретные ситуации подводятся под общее положение.

В умозаключении наиболее интересным является вывод, содержащий новое знание. В отличие от точки зрения Декарта, который противопоставлял дедукцию интуиции, юристы применяют опосредованное знание вместе с интуитивными проявлениями. В воспоминаниях известного юриста А.Ф. Кони есть рассказ о деле, где страховая компания вместо того, чтобы выплатить страховую сумму, подала иск на крестьянина Федора Дмитриева, обвиняя его в умышленном поджоге собственного склада с целью получения страховой премии. Обвиняемый свою вину отрицал. Вдруг один из свидетелей упомянул о большом еже, который жил у крестьянина в лавке, был вполне ручной, разгуливал ночью по лавке и складскому помещению. Пожар начался на рассвете в запертой на ночь лавке, в том углу, где хранились в большом количестве серные спички. В акте осмотра места происшествия установлено, что в том месте, где хранились сгоревшие спички, находился труп обгорелого ежа. Страховой агент посчитал вполне допустимым, что пожар мог произойти от воспламенения спичек, между которыми пролезал еж, царапая их своими иглами. Пожар был признан не поджогом, а самовозгоранием, так как виновником его являлся не человек, а еж. Еж – животное, которое с трудом поддается дрессуре, и предположение, что хозяин специально натренировал его на поджигание, является более чем сомнительным. Присяжные заседатели вынесли оправдательный приговор.

А.Ф. Кони в защитительной речи по делу Федора Дмитриева так строит категорический силлогизм по модусом CELARENT I фигуры:

1. В действиях ежа не было злого умысла (Ежи не поддаются дрессировке).
2. Пожар возник в результате действий ежа (в результате хождения ежика промеж спичечных коробок).

Следовательно, пожар возник не преднамеренно (без наличия злого умысла).

И здесь мы не соглашаемся с той реконструкцией рассуждений А.Ф. Кони, которая приводится в работе Ю.В. Шуйской [4]:

1. Поджог совершен ежом.
2. Еж не может отвечать за свои действия.

Следовательно, поджог не является умышленным.

1. P A M

2. M E S

P E S

Здесь предлагается модус CAMENES 4 фигуры категорического силлогизма, однако структура умозаключения показывает, что в выводе термины S и P поменя-

ны местами. Если поставить их правильно: S – на первое место, а P – на второе, то вывод будет звучать следующим образом:

1. Поджог совершен ежом.
2. Еж не может отвечать за свои действия (Его действия не являются умышленными).

Следовательно, умышленным (умышленным действием) не является поджог.

Вывод теперь не кажется нам очевидным, и связано это с тем, что наблюдается противоречие в посылках: первая посылка сформулирована как категорическое суждение: «Поджог совершен ежом». Но поджог может быть только умышленным, иначе это самовозгорание, а вторая посылка утверждает, что еж не может осуществлять умышленных действий, следовательно, и поджигать еж не мог. Исправить реконструкцию рассуждения может только использование иного вида дедукции, а именно *modus tollens* условно-категорического силлогизма.

1. Если кто-то утверждает, что еж совершил поджог, то животное сделало это намеренно (поджог всегда предполагает злой умысел).
2. Неверно, что ежам присущи умышленные действия.

Следовательно, еж не совершал поджог.

1. $A \rightarrow B$

2. не B

Следовательно, не A.

Также недопустимо согласиться и с еще одной трактовкой, приводимой в указанной работе [4], однако теперь причина кроется не только в неправильной логической структуре, но и в том, что не учитывается максима права [4, 7]. В рассказе Артура Конан Дойла «Пять зернышек апельсина» главный герой говорит: «Чтобы покончить с этим, мистер Холмс, и не злоупотреблять вашим терпением, скажу только, что однажды настала ночь, когда он (дядя главного героя) совершил одну из своих пьяных вылазок, после которой уже не вернулся. Мы отправились на розыски. Он лежал ничком в маленьком, заросшем тинной пруду, расположенном в глубине нашего сада. На теле не было никаких признаков насилия, а воды в пруду было не больше двух футов. Поэтому суд присяжных, принимая во внимание чудачества дяди, признал причиной смерти самоубийство».

Дядя был странным человеком.

Странные люди могут покончить с собой.

Следовательно, дядя покончил с собой.

1. P A M

2. M A S

P A S

4 фигура категорического силлогизма не может иметь общеутвердительный вывод. Вывод по модусу BRAMANTIP может быть только частноутвердительное суждение, но, поскольку термины опять поставлены неправильно – P на первом месте, а S – не втором, то суждение невозможно сформулировать частным. Структура полностью неправильна.

Приводим вывод к виду: S A P. К некоторым из тех, кто покончил жизнь самоубийством, относится и дядя главного героя.

Использование максимы права: «Каков субъект – таковы и его действия» дает вполне четкую структуру категорического силлогизма модуса BARBARA 1 фигуры.

Странные люди совершают странные действия.

Дядя был странным человеком.

Следовательно, дядя совершил странные действия (странное самоубийство).

1. M A P

2. S A M

S A P

Популярным видом доказательства является разделительное доказательство, т.е. построение разделительно-категорического силлогизма. Рассмотрим отрывок из речи адвоката С.А. Андриевского в защиту Андреева, который убил свою жену: «Что здесь было? Ревность? (А) Злоба? Запальчивость? (В) Нет, все это не годится. Острая ревность была уже покорена, так как Андреев мог деловито переговариваться со своим соперником (не А). Злоба и запальчивость опять-таки не вяжутся с делом, потому что Андреев был добр и вынослив до последней возможности (не В). Если хотите, здесь были ужас и отчаяние (С) перед внезапно открывшимися Андрееву жестокостью и бездушием женщины, которой он безвозвратно отдал и сердце, и жизнь. В нем до бешенства заговорило чувство непостижимой неправды. Здесь уже орудовала сила жизни, которая ломает все непригодное без прокурора и без суда. Уйти от этого неизбежного кризиса было некуда ни Андрееву, ни его жене.

Я назову душевное состояние Андреева «умоисступлением» – не тем умоисступлением, о котором говорит формальный закон (потому что нам требуется непременно душевная болезнь), но умоисступлением в общежитейском смысле слова. Человек «выступил из ума», «был вне себя»... Его ноги и руки работали без его участия, потому что душа отсутствовала... Неужели собратья-люди этого не поймут?

Какая глубокая правда звучит в показании Андреева, когда он говорит: «Крик жены привел меня в себя!...». Значит, до этого крика он был в полном умопомрачении... Желал ли Андреев того, что сделал? Нет, не желал, ибо на следующий же день говорил своим знакомым: “Я, кажется, отдал бы все на свете, чтобы этого не случилось”...».

Наказывать кого бы то ни было за поступок, до очевидности безотчетный, – нечеловечно, да и ненужно... Вот все, что я хотел сказать. Я старался разъяснить перед вами это дело на языке вашей собственной совести. По правде говоря, Я не сомневаюсь, что вы со мной согласитесь» [5].

Структура разделительно-категорического силлогизма:

1. A V B V C

2. не А ∧ не В

Следовательно, С.

Следом за разделительно-категорическим силлогизмом в рассуждениях адвоката идет категорический силлогизм модуса BARBARA 1 фигуры:

1. Андреев был в умопомрачении.

2. Крик жены разбудил Андреева.

Следовательно, крик жены вывел Андреева из состояния умопомрачения.

1. M A P

2. S A M

S A P

В другом деле по защите братьев Келеш С.А. Андриевский, проводя разделительное доказательство, приводит значительно большее количество возможных альтернатив в дизъюнктивном суждении. Вот отрывок из его речи [6]: «В 12 часов ночи внутри кладовой обнаружались признаки пожара. Спрашивается, как же он мог произойти? Кто и как мог туда проникнуть? Замок, ключ от которого хранился у контролера, оказался запертым и неповрежденным (А). Приложенная печать задерживала дверь своим липким составом и, следовательно, не была снята (В). Других ходов в кладовую не существовало и проложено не было (С). Правда, Бобров, домовладелец, предлагает нам остановиться на предположении, что туда можно было проникнуть через форточку, а до форточки на четвертый этаж добраться по лестнице или по водосточной трубе (D). Но будем же рассуждать в пределах возможного и не станем допускать сказок.

Приставленной лестницы никто не видел, а для того, чтобы лазить по водосточной трубе до четвертого этажа, нужно быть обезьяной или акробатом – приучиться к этому с детства, а братья Келеш – 40-летние люди и гибкостью тела не отличаются. Наконец, ведь форточка в четвертом этаже запирается изнутри: если бы она была оставлена при зимней стуже открытой, то контролер Некрасов, запирая кладовую, заметил бы это, да и все окна успели бы оледенеть (Е). Притом форточки делаются не в нижней витрине окна, а повыше, перегнуться через нее телу любого из Келешей мудрено – нужно было бы разбить окно, но все окна при пожаре найдены целыми. Итак, если не допускать сказки, если не верить, что кто-нибудь из Келешей мог забраться комаром в щелочку или влететь в кладовую через трубу, как ведьма, – то нужно будет признать, что с той минуты, как Некрасов запер кладовую, и до того времени, когда через шесть часов обнаружился в ней пожар, и кладовая по-прежнему была заперта, – никто в нее не входил и не мог войти. Отсюда один возможный вывод, что неуловимая, недоступная для глаза причина пожара, микроскопическая, но, к сожалению, действительная, уже таилась в кладовой в ту минуту, когда «пошабашили» и когда Некрасов запирает (F)».

1. AV B V C V D V E V F.

2. не А Л не В Л не С Л не D Л не E.

Следовательно, F.

Известный адвокат П. Сергеич в своей работе «Искусство речи на суде» писал: «Не упускайте случая изложить сильный довод в виде рассуждения: одно из двух, то есть дилеммы. Это, может быть, лучшая форма рассуждения перед судьями. Цицерон говорит: *comprehensio, quae, utrum concesseris, debet tollere, numquam reprehendetur*: никогда не следует возражать на верную дилемму» [8, с. 207].

И приводит пример, подтверждающий правильность его слов: «Подсудимая, воровка по ремеслу, жалостно плачет; это явно притворный плач. Если обвинитель сказал: это притворный плач, он сделал ошибку. Если он скажет: возможно, что она плачет искренне, возможно, что притворяется; решайте сами; но ни то, ни другое не имеет значения для решения вопроса о виновности. Присяжные, предоставленные своему непосредственному впечатлению, без колебания скажут: притворство» [8, с. 207].

Вместе с тем, дилемму возможно построить в зеркальном отражении – в зависимости от мировоззрения говорящего [9, с. 142]. Приведем известную историю с Сократом, когда были построены «зеркально» отраженные лемматические рассуждения. Однажды к Сократу пришла женщина со своим горем. Она переживала из-за того, что ее сын намеревался заниматься политической деятельностью. Я запрещаю ему даже думать об этом, потому что если он будет заниматься политической деятельностью, ему придется или врать, или говорить правду, – говорила Сократу женщина.

1. Если он будет врать, его возненавидят боги, если он будет говорить правду, его возненавидят люди.

2. Ему придется или врать, или говорить правду.

Следовательно, его будут ненавидеть или боги, или люди.

Сократ ответил женщине: ты не права. Твой сын будет заниматься политической деятельностью и ему придется или врать, или говорить правду.

1. Если он будет врать, то он станет любимцем людей, если он будет говорить правду, то он будет любимцем богов.

2. Ему придется или врать, или говорить правду.

Следовательно, он будет любимцем или людей, или богов.

Приведенный пример противоречащих дилемм встречается достаточно часто. Например, в известной книге Джонатана Линна и Энтони Дджея «Да, господин министр» авторы показывают как раз подобную ситуацию, где герой сформулировал одну дилемму в негативном свете и решает, какую из худших для себя ситуаций выбрать. В то же время возможно, как и в предыдущем примере, построить позитивную дилемму и рассуждать, какая из позитивных альтернатив предпочтительнее. Министр рассуждает о том, подписывать ли ему контракт на строительство предприятия, которое будет загрязнять окружающую среду метадоксином, негативно влияющим на здоровье беременных женщин, или отклонить его. «Да, дилемма не из простых. Если я заблокирую контракт, «Таймс» и «Дейли телеграф» завопят о моей «политической трусости», а если я дам ему «добро», «Дейли миррор» и «Сан» объявят меня «убийцей нерожденных младенцев». Неужели нет выхода?» [10, с. 172]. Герой произведения акцентирует внимание только на негативных лично для себя последствиях. Однако допустимо построить дилемму с позитивными, как и в предыдущем примере с Сократом: Если я не заблокирую контракт, «Таймс» и «Дейли телеграф» напишут о моей «политической дальновидности», а если я не дам ему «добро», то «Дейли миррор» и «Сан» объявят меня человеком, который заботится о здоровье младенцев.

Таким образом, мы видим, насколько важно для доказывания соблюдение логических правил дедуктивных умозаключений.

1. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам / С.А. Шейфер. – М.: Норма, 2009. – 126 с.
2. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула: Автограф, 2000. – 464 с.
3. Аверина, Ю. А. Теория формальных доказательств и судебное правоприменение / Ю. А. Аверина // Правоведение. – 2006. – № 5. – С. 233–242.
4. Шуйская, Ю.В. Судебная аргументация в статусе определения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=124874>
5. Андреевский, С.А. Речь в защиту Андреева [Электронный ресурс] / С.А. Андреевский. Режим доступа: <http://viperson.ru/articles/delo-andreeva>
6. Андреевский, С.А. Речь в защиту братьев Келеш [Электронный ресурс] / С.А. Андреевский. Режим доступа: <http://allrefs.net/cl12/4e7tb/p75/>
7. Соболева, А.К. Топическая юриспруденция / А.К. Соболева. – М.: Добросвет, 2001. – 225 с.
8. Сергеич, П. Искусство речи на суде / П. Сергеич. – М.: Юрид. лит., 1988. – 384 с.
9. Невельская-Гордеева, Е.П. Актуальные вопросы образования: использование логических правил истинности вывода / Е.П. Невельская-Гордеева // Общество, общности, человек: в поисках «вечного мира»: материалы VII Междунар. науч. интернет-конф. 17 ноября 2014 г. / под ред. И.А. Федорова, С.В. Гузениной; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамбовск. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 139–144.
10. Линн, Д. Да, господин министр: Из дневника члена кабинета министров distinguished Джеймса Хэкера, члена парламента / Д. Линн, Э. Джей. – М.: Международные отношения, 1989. – 334 с.
11. Шестопап, С.С. Политико-правовой персонализм и плюрализм: взгляды и трактовки Ж. Маритена / С.С. Шестопап // Теория і практика правознавства. – 2014. – № 1 (5). – С. 32.
12. Агафонова, Т.П. Юридическая рациональность в контексте исторической эволюции / Т.П. Агафонова, А.Ю. Мамычев, В.В. Попов // Власть. – 2009. – № 11. – С. 67–70.

© Невельская-Гордеева Е.П., 2015

© Шестопап С.С., 2015

Для цитирования: Невельская-Гордеева, Е.П. Логические основания судебного доказывания / Е.П. Невельская-Гордеева, С.С. Шестопап // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. – 2015. – № 4. – С. 136–143.

For citation: , E.P. Logical basis of legal argumentation / E.P. Nevel'skaya-Gordeeva, S.S. Shestopal // The Territory Of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service. – 2015. – № 4. – P. 136–143.